

МОРОЗОВА Е.И.

*(Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина)***КОНФИГУРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛИЗОВАННОГО КОНЦЕПТА**

This article elaborates the modus model of conceptual entities, which has been suggested by M. V. Nikitin, by introducing a dynamic modus into this structure. It is demonstrated that when instantiated in discourse, a concept, which is a unity of static and dynamic modi, turns to a human conceptualizer with particular facets depending upon the nature of the situation.

Key words: *concept, configuration (modus) model, static / dynamic modus, discourse, situation, human conceptualizer.*

В современном языкознании ученые нередко получают знания об объекте, исследуя его с разных сторон с применением разных методов, но при этом стремясь связать эти знания, оперируя в одной и той же концептуальной «плоскости». При таком подходе соответствующие знания выступают как части создаваемого в процессе исследования сложного концептуального образования, становясь «аспектами» изучаемого объекта, а искусственно устанавливаемая между ними связь экстраполируется на сам объект и истолковывается как внутренняя.

Наглядной иллюстрацией подобного – механистического по своей сути – объединения разнородных сведений об объекте могут служить лингвистические работы, авторы которых полагают, что структура изучаемого ими объекта изоморфна «интегративной системе» совокупного знания, полученного путем формальной связи выявленных характеристик объекта – структурных, семантических, прагматических, дискурсных, паралингвистических и т. п. Не является здесь исключением и широко распространенный в лингвокультурологии подход к анализу концепта, в соответствии с которым исследователи выделяют его понятийную, образную и ценностную составляющие [Воркачев 2007, с. 7; Карасик 2002, с. 139-140; Приходько 2006, с. 21; Слышкин 2000, с. 11-13]. Это, собственно говоря, предполагает, что концепт состоит из соответствующих частей, чему, вполне естественно, весьма затруднительно найти психологическое подтверждение. Но подход к моделированию концепта может быть и иным. *Целью* данной статьи является обоснование альтернативного подхода к моделированию концепта, базирующегося на методологическом принципе конфигурирования.

Философ и методолог Г. П. Щедровицкий, разработавший идею методологии как общей рамки мыследеятельности, считает, что вместо того, чтобы искать какие-то связи между полученными знаниями об объекте в плоскости самих этих знаний, нужно вначале каким-то образом воспроизвести структуру объекта, а затем, исходя из нее, восстановить те «повороты абстракции», которые привели к имеющимся знаниям [Щедровицкий /http]. Абстракция, как известно, есть мысленный анализ объекта или группы объектов с целью вычленения общего [Новейший философский словарь 2001, с. 2]. Разные

виды абстракции – родовидовая и рациональной структуры объекта – в корне отличаются друг от друга.

Родовидовая абстракция лежит в основе образования понятий. Так, например, содержание понятия КОРОВА формируется в результате абстрагирования наиболее существенных характеристик всех коров (объем понятия). Слово *корова* применимо и к эмпирически наблюдаемым коровам (единичное, видовое), и к обобщенному «образу» животных этого вида (общее, родовое). Иерархические отношения между понятиями также базируются на родовидовой абстракции, например, ЧЕЛОВЕК (род) – ЖЕНЩИНА/МУЖЧИНА (вид).

Абстракция рациональной структуры не имеет отношения к проблеме единичного и общего. Посредством абстракции такого рода формируются понятия о предельных объектах, определяемых как абстрактные объекты, на примере которых мы рассуждаем о существенных свойствах реальных объектов [Шаумян 1999, с. 186]. Иными словами, предельный объект – это модель реального объекта или реальных объектов. Примером здесь может быть стереотип (муж: неряшливый, занудный, пузатый) [Lakoff 1987, с. 87], идеал (муж: кормилец, верный, сильный, уважаемый, привлекательный) [там же], образец (муж: подруги) и т.д.

Абстракции рациональной структуры объекта не являются его частями: они представляют собой «проекции голограммы», полученные при ее «поворотах». При таком подходе вопрос о синтезе соответствующих знаний автоматически снимается, поскольку всякая попытка соединить подобные абстракции вместе какой-либо формальной связью и «вынести» полученную таким образом систему на объект является столь же бессмысленной, как попытка получить представление о структуре детали, присоединив друг к другу ее чертежные проекции [Щедровицкий // <http://www.fondgp.ru>].

Структурная модель объекта имеет совершенно особую функцию в системе теории. Она является изображением объекта, созданным специально для того, чтобы объединить уже существующие знания. Исходя из этого, можно говорить, что именно набор объединяемых представлений задает характер вводимой модели. Вместе с тем эта модель объясняет существующие представления и служит (наряду с логическим описанием произведенных абстракций) их обоснованием. В. А. Лефевр, выделивший эти логические функции, назвал соответствующий класс моделей «конфигураторами» [Лефевр 2003].

Модусная модель концепта, автором которой является М. В. Никитин [Никитин 1996, с. 149-202], представляет собой конфигуратор, соотносящий «функциональные модификации концепта, подструктуры в его глобальной структуре» [Никитин 2004, с. 54], которые этот ученый называет речемыслительными модусами концепта. М. В. Никитин выделяет три группы модусов: ситематизационные, аргументно-предикатные и экстенциональные [Никитин 2004, с.54-57]. В свою очередь, в каждой группе модусов он размежевывает подгруппы, соответствующие более специализированным

функціям. Так, систематизація концептуальних сутностей може здійснюватися на різних основах і в відповідності з різними принципами. Наприклад, в ході класифікаційної діяльності суб'єкта утворюються логічні поняття (М. В. Никитин називає цей модус концепта класифікаційним). Організація членів категорії в відповідності со ступеню їх типичності / нетипичності веде до формуванню концептуальних структур, організованих за принципом прототипа (це модус концепта, називаний структуративним). Сам же прототип, використовуваний при ідентифікації ментальних сутностей, отримує в запропонованій дослідником системі модусів назву «опознавальний». В основі виділення аргументного і предикатного модусів лежить різниця функцій, виконуваних концептом в судженнях. Модуси екстенсії предмета мислі – загального (класу) і єдиного – окреслюють область і род приложимості концепта [ibid.].

Як підкреслює сам автор модусної моделі концепта, даний перелік є відкритим [op. cit, с. 60]. Так, наприклад, Т. В. Лунева [Луньова 2006, с. 8-9] виділяє такі модуси концепта ГАРМОНІЯ, як раціонально-логічний (ср. класифікаційний у М. В. Никитина) і картинно-образний, а також модус фактивності. К цим – статичним за своєю природою – модусам концепта ми вважаємо цілесобразним додати і ідентифікаційний модус, пов'язаний з динамічною іпостасю концепта [Морозова 2008, с. 71-73].

Актуалізований в дискурсі концепт представляє собою єдинство статичних і динамічного модусів. В різних ситуаційних контекстах концепт «поворачується» до інтерпретатору своїми різними гранями, при цьому на перший план висувається той або інший модус концепта. Проілюструємо вищесказанне на прикладі концепта ЛОЖЬ.

В класифікаційному модусі концепт ЛОЖЬ забезпечує системне упорядкування відповідного фрагмента світу в свіданні суб'єкта. Класифікація (від лат. *classis* - розряд і *facere* - робити, розкладати [Словарь иностранных слов 1994, с. 325]) - це спосіб організації інформації з метою упорядкування визначеного множини, яке розбивається на гетерогенні за відношенням одне до одного, але гомогенні всередині самих себе за будь-яким ознакою (або ознакам) підмножини [Новейший философский словарь 2001, с. 316]. Результатом класифікаційної діяльності людини є логічне поняття лжі. Характерним видом контекста, в якому на перший план виходить класифікаційний модус концепта ЛОЖЬ, є словарна стаття. Згадаємо, що, за А. Ж. Греймасом і Ж. Фонтанієм, ми вважаємо тлумачний словар «дискурсом, що відображає традицію даної культури» [Греймас, Фонтаний 2007, с. 121], або прототипічним контекстом ситуації певного типу. Розглянемо приклад словарного визначення імені існуючого *lie* (ложь), вербалізуючого концепт ЛОЖЬ: (1) *A lie is something that someone says which they know is untrue* (Большой англо-русский словарь 1972, с. 451). В цій словарній дефініції експліцировані такі семантичні ознаки розглянутого існуючого, як

«ошибочность сообщаемой информации» (слово-идентификатор *untrue* – ложный), «знание говорящего о ложности содержания высказывания» (слово-идентификатор *know* – знать), вербальный способ передачи сообщения (слово-идентификатор *say* – говорить). Отметим, что поскольку авторы этого словаря придерживаются широкого понимания лжи, в определении отсутствует признак «неискренность говорящего». При изменении вектора рассмотрения «языковая форма → значение» на «значение → знания о мире» семантические признаки слова *lie* предстают как составляющие концепта ЛОЖЬ, совокупность которых определяет содержание его ядра - логического понятия лжи. Существительное *lie*, выступающее в синтаксической функции подлежащего, находится в отношениях тождества с именной частью (*something* - нечто) сложного сказуемого, устанавливающего отношение тождества между денотатом этого существительного и сущностью, характеризующейся наличием вышперечисленных признаков. В этом контексте, таким образом, в фокусе внимания оказывается внутренняя определенность (гомогенность) лжи, а концепт ЛОЖЬ предстает в своем классификационном модусе. Кроме того, он представлен в данном ситуативном контексте также и в идентификационном модусе, позволяющем установить эквивалентность содержания языкового знака *lie* описательной части словарной статьи.

Классификационный модус концепта ЛОЖЬ находится в фокусе внимания коммуникантов и в высказываниях, содержащих однородные члены, например: (2) *All the lies, all the deceptions, all the guilt and tangled feelings of the past five weeks piled up between them* (Michael, 331). В этом примере ложь отграничивается от обмана (*deceptions*), вины (*guilt*) и противоречивых чувств (*tangled feelings*), т.е. на первый план выдвигается определенность лжи относительно смежных сущностей, или ее гетерономность.

Структуральный модус концепта ЛОЖЬ отличается от классификационного тем, что когнитивная операция упорядочения концептуальных признаков усложняется вследствие того, что, во-первых, круг последних расширяется путем вовлечения в рассмотрение признаков, не являющихся для соответствующего концепта конститутивными, во-вторых, эти признаки дифференцируются по степени их типичности / нетипичности. В результате образуется ментальная структура, организованная по принципу «ядро-периферия». В структуральном модусе перечень конститутивных признаков концепта ЛОЖЬ, соотносимых с интенционалом значения [Никитин 2001, с. 36], расширяется путем привлечения признаков, связанных с конститутивными признаками ассоциативно и составляющих импликационал значения [там же]. Ассоциативные признаки являются факультативными, и поэтому их перечень является открытым. Эти признаки детализируют концепт ЛОЖЬ, например: (3) *This filth, these obscene lies - how dare anyone accuse Garth of them!* (Michael, 380). Очевидно, что не всякая ложь является непристойной (*obscene*), однако здесь она, с точки зрения говорящего, является именно такой (клеветническое обвинение преподавателя в сексуальном домогательстве). Признак «непристойность», который является для концепта ЛОЖЬ

факультативним, относится к периферии данного концепта. Таким образом, в ситуационном контексте, где существительное *lie* употреблено с модификатором, в фокусе внимания оказывается структурационный модус концепта ЛОЖЬ, отличительной чертой которого является разделение концептуальных признаков на облигаторные и факультативные, то есть структурирование концепта по принципу "ядро - периферия". Отметим, что в таких случаях концепт ЛОЖЬ выполняет также и функцию идентификации, которая заключается в квалификации речевого поведения субъекта высказывания как лжи.

Когнитивные операции классификации и установлении степени типичности признаков объекта комплексно задействуются в процессе идентификации лжи в дискурсе. Идентификация (лат. *identificare* – отождествлять [Словарь иностранных слов 1994, с. 256]) определяется как осознание, распознавание чего-то или кого-то [Новейший философский словарь 2001, с. 265]. При распознавании лжи адресат сопоставляет имеющееся у него представление о текущей ситуации с типовым представлением о лжи, которым обладают представители определенной лингвокультуры. Эта когнитивная операция характеризует концепт ЛОЖЬ в идентификационном модусе. В процессе идентификации речевого поведения индивида как лжи выявляются релевантные признаки текущей ситуации (это классификационный модус концепта ЛОЖЬ), устанавливается степень их типичности для ситуации лжи (это структурационный модус данного концепта) и на этом основании индивидом делается вывод о возможности (или невозможности) квалификации рассматриваемой ситуации как ситуации лжи (это идентификационный модус концепта ЛОЖЬ). Например: (4) *JAMIE: I never wanted to be an actor. You forced me on the stage. TYRONE: That's a lie! You made no effort to find anything else to do* (O'Neill, 32). Сын обвиняет отца в том, что он испортил ему жизнь, заставив стать актером. Для отца важен тот факт, что это обвинение является ошибочным, а сын – неискренним: он указывает сыну на то, что он никогда не прикладывал усилий, чтобы найти себе занятие по душе. На основании сравнения эпизодического представления о текущей ситуации с типовым представлением о лжи, имеющимся у него как члена лингвокультурного сообщества, отец приходит к выводу, что сын лжет и выражает эту мысль словами (*That's a lie!*). В этом предложении существительное *lie* является частью сложного сказуемого, что указывает на то, что концепт ЛОЖЬ актуализируется здесь в идентификационном модусе.

Таким образом, рассмотренные модусы концепта ЛОЖЬ – классификационный, структурационный и идентификационный – определяются в соответствии с тем, какие когнитивные операции – классификации, установления меры типичного / нетипичного или идентификации – выдвигаются на первый план в том или ином контексте. Все указанные когнитивные операции комплексно задействованы в процессе идентификации лжи в конкретной ситуации.

Соотнесение существующих представлений о структуре концепта (компонентная модель) с вышеописанным конфигуратором позволяет увидеть, что «понятийная, образная и ценностная составляющие» являются не чем иным, как модусами в глобальной структуре концепта, что дает возможность объединить существующие представления в рамках единой модусной модели. Как отмечает Г. П. Щедровицкий [Щедровицкий <http://www.fondgpr.ru>], когда подобное объединение осуществлено, конфигуратор становится ненужным и сама модель может быть опущена в системе теории. Но чаще созданные таким образом структурные модели объектов и все связанные с ними построения остаются, начинают жить и развиваться по своей собственной логике и становятся особым слоем теории или даже особой научной дисциплиной.

Литература

Большой англо-русский словарь: В 2-х т. / Под общ. ред. И.Р.Гальперина. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 1. А-Л. – 823 с. *Воркачев С.Г.* От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // *Vita in lingua*: К юбилею профессора С. Г. Воркачева: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 39-60. *Греймас А.Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души: Пер. с фр. И.Г.Меркуловой. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: (Монография). – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. – М.: ТЕИС, 2003. – 158 с. *Луньова Т. В.* Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові: структура і комбінаторика : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Тетяна Володимирівна Луньова. – К., 2006. – 22, [1] с. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики: Учеб. пособ. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с. *Никитин М.В.* Метафорический потенциал слова и его реализация // *Studia Linguistica*. – СПб.: Тригон, 2001. – Вып. 10: Проблемы теории европейских языков. – С. 36-50. *Никитин М.В.* Развернутые тезисы о концептах // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2004. – №1. – С.53-64. *Морозова О.І.* Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : Дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Іванівна Морозова.. – К., 2008. – 491 с. *Новейший философский словарь* / Гл. ред. А.А.Грицанов; н. ред. М.А.Можейко, Т.Г.Румянцева. – 2-е изд. – Минск: Интерпрессервис, Кн. Дом, 2001. – 1280 с. *Приходько А.Н.* Концепт как трехмерное ментальное образование // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*. – Сер. Романогерманська філологія. – 2006. – № 726. – С. 20-25. *Словарь иностранных слов* / Под ред. И.В.Лехина, Ф.Н.Петрова. – 4-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1994. – 853 с. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с. *Шаумян С.* Абстракция в современной лингвистике // *Логос*. – 1999. – №1, Т. 11. – С. 186-213. *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. – М.: Знание, 1964. *Щедровицкий Г. П.* К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании // <http://www.fondgpr.ru>. *Lakoff G.* *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.